

III. ИЗ М Е М У А Р О В

1201

... По субботам у Г. В. всегда можно было найти несколько посетителей, сплошь и рядом из непартийной руководствующей публики, путешествующей по Европе и считающей своим демократическим долгом посетить Г. В. Некоторые утверждают, что эти „суаре“ у Г. В. носили натянутый характер. Совсем наоборот: у меня осталось после немногих посещений этого гостеприимного дома самое теплое чувство и бесконечное преклонение перед огромным умом и могучим интеллектом Г. В...

Л. С. Федорченко рассказывал мне об одном из таких вечеров, где в присутствии Владимира Ильича и др. друзей Г. В. загорелся горячий спор по поводу прокламации каких-то уральских „ортодоксальных“ марксистов, объявивших Л. Н. Толстого крепостником. Г. В. произнес целую речь, клеймившую узость захолустных социал-демократов из отечественного Пошехонья и поставил вопрос об обсуждении этой выходки мало известной мелкой приуральской организации — на голосование. Л. С. интересовался

мнением Владимира Ильича. Тов. Ленин конечно целиком присоединился к оценке Г. В-ча и поднял руку за его резолюцию...

II²⁰²

Весной 1912 г., в столетнюю годовщину рождения Герцена, Плеханов читал в Париже перед многочисленной русской аудиторией доклад на тему: „Толстой и Герцен“. В это время Плеханов переживал наивысший подъем своей борьбы с меньшевиками „ликвидаторами“ и с философским ревизионизмом некоторых большевиков „впередовцев“²⁰³ и настроен был ярко революционно как теоретически, так и политически.

Это настроение чрезвычайно характерно отразилось на докладе Плеханова, который весь был построен на анти-тезе: Герцен—материалист и революционер и Толстой—религиозный идеалист и социальный реакционер. В самом деле насколько Плеханов с исключительной теплотой говорил о Герцене, настолько он в Толстом, как моралисте и социальном мыслителе, находил лишь отрицательные стороны, совершенно абстрагируясь от того резонанса, какой находили идеи Толстого в ту или иную эпоху в разных слоях русского общества. Особенно врезалась мне в память фраза, поразившая меня (да и не одного меня, конечно) своей парадоксальностью: „В известном смысле Толстой для нас (т. е. для революционных марксистов. Б. Г.) реакционнее Пуришкевича“²⁰⁴. Этими словами Плеханов хотел повидимому сказать, что откровенное политическое мракобесие Пуришкевича не так опасно, как толстовство с его проповедью непротивления злу насилем, с его реакционной социальной и идейной философией, являющейся злейшим врагом марксизма.